
ДИСКУССИЯ

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

© 2015 г. А. С. Чернышев*, С. В. Сарычев**, С. Г. Елизаров***

* Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования “Курский государственный университет”;

** Доктор психологических наук, профессор, там же;

*** Доктор психологических наук, профессор, там же;

e-mail: kursk-psychol@narod.ru

В рамках дискуссии рассматривается статья А.Л. Журавлева, Д.В. Ушакова, А.В. Юревича “Перспективы психологии в решении задач российского общества”, три части которой опубликованы в “Психологическом журнале” в течение 2013 г. Обсуждаются актуальность и своевременность постановки проблем, уровень методологического, теоретического и технологического обеспечения оптимизации психологического состояния и развития современного российского общества, а также оценивается, каковы в новых условиях эвристические возможности выдвигаемых авторами теоретических положений, разработанных с опорой на известные отечественные теории.

Ключевые слова: психология, психосоциальный человек, индивидуальный и коллективный субъект, управление, организованность, проектирование психологической помощи.

Вопрос о статусе современной психологической науки является актуальным для всего нашего общества, но особенно, конечно, для психологов. Поэтому публикации А.Л. Журавлева, Д.В. Ушакова и А.В. Юревича о ее возможностях и перспективах как стратегической науки в решении задач российского общества вызывают повышенный интерес [14–16].

В рамках дискуссии представляется целесообразным обсудить актуальность данной проблематики, полноту методологического, теоретического и технологического обеспечения предлагаемых путей оптимизации психологического состояния и развития российского общества, возможности использования потенциала отечественной психологии для решения поставленных авторами стратегических задач, эвристическую ценность выдвигаемых ими теоретических положений для нового, более глубокого осмыслиения ранее разработанных в нашей стране теорий и их использования с учетом современных условий.

В целом высоко оценивая содержание обсуждаемой статьи, в трех частях которой общей статьи изложен очень многоплановый и объемный теоретический анализ, мы кратко остановимся на отдельных наиболее проблемных, с нашей точки зрения, аспектах.

В общем “рабочем поле” служения социогуманитарных наук современному обществу авторы достаточно полно раскрыли специфическую роль *психологии* на разных уровнях решения социальных задач. В итоге отмечается, что системный характер повышения роли психологического знания в современных условиях, относящийся не только к жизнедеятельности отдельных людей, малых и больших социальных групп, общества, но и решению сложных геополитических проблем, предполагает, соответственно, *системную стратегию* получения психологического знания и его применения на описательном, объяснительном и преобразующем уровнях. Положительным моментом является то, что авторы осознанно реализуют *системную методологию* Б.Ф. Ломова [21], разработанную применительно к общей теории психологии [3], а также психологии коллектива [10] и оправдывающую свою релевантность в настоящее время.

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (Государственное задание № 2014/349, проект № 1550); при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-06-00876а).

В отличие от естественно-научного, применение психологического знания осложняется его специфической природой. На это обстоятельство указывалось ранее рядом авторов. Так, Б.Ф. Ломов отмечал, что применение на практике психологического знания непосредственно, “напрямую”, по принципу “короткого замыкания” не эффективно, а более целесообразно на его основе сформировать социальную структуру, которая и обеспечит нужные изменения в соответствии с полученными знаниями [20]. На значительные организационные трудности при реализации на практике психологического знания указывал и С. Милграм, отмечая, что для реализации технического знания существуют соответствующие профессиональные структуры, а для психологического таких условий нет. В итоге психолог не только добывает новое знание, но и организует его применение на практике [24]. В современных условиях указанные тенденции заметно обострились по целому ряду причин и в первую очередь из-за масштабности кризиса духовно-нравственного состояния российского общества, многолетнее и целенаправленное исследование которого в ИП РАН оформилось в качестве крупного научного направления [25, 27–29], что необходимо отметить как позитивный факт.

Заслуживает поддержки оптимистическая позиция авторов относительно возможностей психологии в системе социогуманитарных наук решать стратегические задачи развития российского общества. Предлагая отечественной психологии решать такие проблемы, как оптимизация психологического состояния и развитие общества, гармонизация содержания социальных институтов и менталитета, авторы “не потеряли” конкретного человека, а впервые в современной отечественной психологии акцентировали внимание на изучении таких судьбоносных для него проблем, как счастье, психологическое и социальное благополучие и др.

Представляется методологически и теоретически значимым *принцип моделирования психосоциального человека*, который является исходным, базовым в общей системе оптимизации психологического состояния и развития общества. В результате модель психосоциального человека корректно используется авторами и как объяснительный принцип, и как психологический механизм влияния, с одной стороны, общества на поведение человека, а с другой – человека на общество. Данная модель – это удачная реализация и, главное, конкретизация *психосоциального подхода* к исследованию психических явлений, ранее сформулированного А.Л. Журавлевым [12].

Постулируется, что в образе психосоциального человека есть такие качества, как ведомость, зависимость от общественного влияния (“... состояния, принимаемые психосоциальным человеком, зависят от социальной и культурной среды”), а также способность влиять на социальное окружение (“... состояния психосоциального человека подчиняются внутренним закономерностям, преодолевающим средовые влияния, что придает им определенную устойчивость и способность противостоять внешним воздействиям”). В целом, как отмечают авторы, “... предлагаемый образ рисует человека как субъекта общественных процессов, активного, стремящегося и страдающего” [15, с. 72].

Однако, поскольку о роли психологии в решении актуальных задач российского общества говорится в разных частях статьи, необходимо было бы соотнести базовые понятия со спецификой *российского менталитета*, его особенностями, что очень точно, хотя и метафорично, выразил Ф.И. Тютчев (“Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать – в Россию можно только верить”). Поэтому нам представляется, что феномен психосоциального человека как субъекта следовало бы обогатить, акцентируя внимание на потребности современного российского общества в людях именно такого типа, способных создавать, поддерживать и развивать гражданское общество.

Более того, историческая устойчивость России, ее культурное и духовно-нравственное богатство создавалось именно такими людьми, т.е. в этом феномене проявляется *русский национальный характер*, а не только “человек вообще”.

Для прояснения данного утверждения обратимся к книге Б. Башилова [4]. Отстаивая идею самодостаточности россиян, автор отмечает, что в середине XV века русское население составляло всего около двух миллионов человек, оттесненных к северу, подвергаемых набегам татар с юга, тевтонских рыцарей с запада, а на востоке жили отсталые народы. Киевская Русь была отрезана от цивилизации и обречена на гибель. Однако Русь не только выжила, но и победила своих многочисленных врагов, а к 1913 году стала мировой державой с развитой экономикой, культурой и многочисленным населением.

Б. Башилов объясняет этот исторический подвиг России двумя основными причинами: *высокой духовностью (менталитетом) народа* и

самой совершенной в мире *организацией жизнедеятельности* общества и государства. И когда Россия, недооценивая мощи своей организации, перенимала ее западные модели, она отбрасывала себя на 30–50 лет назад [4]. Подобную мысль высказывал К.Д. Ушинский, отмечая нецелесообразность перенесения модели западного образования в Россию [37]. Следует заметить, что аналогичной позиции придерживаются и авторы анализируемой статьи относительно нецелесообразности прямого переноса в нашу страну западных экономических моделей. На основе вышесказанного можно обозначить особый подход к проблеме формирования личности, прежде всего через сферу образования, а также средства массовой культуры, особенно СМИ, где чувствуется дефицит духовности и национальной самобытности россиян.

К мнениям Б. Башилова и К.Д. Ушинского о достоинствах российской организации, к которым можно добавить и несомненные успехи советской организации во время Великой Отечественной войны, а также в период восстановления хозяйства после войны, мы обратились с тем, чтобы подчеркнуть роль *человеческого фактора в организации* [22], в частности, инициативы, дисциплины, сверхнормативной активности, готовности взять на себя повышенную ответственность. Это и должно стать психологическим наполнением функций социальных институтов [5, 7]. В этом аспекте дискуссионным является абсолютизация мнения авторов о том, что карьерное продвижение людей в организации в условиях давления неписанных правил склоняют индивидов принимать эти правила. В итоге субъектность как бы минимизируется, и качественно изменяется духовно-нравственная сфера человека в негативную сторону (если только она не была таковой и раньше). С другими подобного рода примерами можно познакомиться в специальной публикации [27]. Здесь уместно подчеркнуть позитивную роль субъектного подхода в психологии, предложенного С.Л. Рубинштейном и активно разрабатываемого в исследованиях ИП РАН в настоящее время [19, 30, 34].

Полагаем, что если перед нами – настоящий *субъект с высокими духовно-нравственными качествами*, то он, скорее всего, сохранит и то, и другое. В пользу данного утверждения можно привести очень много примеров из жизни крупных руководителей в разных сферах хозяйства, в том числе из жизнедеятельности целой плеяды выдающихся руководителей-психологов крупных научных и образовательных центров (ИП АН

СССР, ИП РАН, ИП АПН СССР, ПИ РАО, МГУ имени М.В. Ломоносова и многих других). Справедливости ради надо заметить, что подобная позиция сопряжена с большим числом напряжений, стрессов и даже трагедий, поэтому многие из них довольно рано уходили из жизни.

Проблема моделирования психосоциального человека связана с проблемой *формирования человеческого капитала*, в решение которой большой вклад внес А.С. Макаренко. По нашему мнению, при разработке практической модели психосоциального человека необходимо было опираться на его идеи о человеке предприимчивом, продуктивном, способном приносить пользу [23].

Весьма перспективным для изучения вклада психосоциального человека в решение общественных задач является его *включение в малые группы*. Авторы убедительно раскрывают роль группового эффекта (“коллективного интеллекта” и “эмоционального интеллекта”) в успешности решения групповых задач [15, с. 82–83].

Однако роль малой группы как основной социальной организации для человека в его жизнедеятельности выходит за пределы ее влияния на успешность деятельности и связана с *формированием духовности личности* и ее новых возможностей эффективно взаимодействовать с обществом, на что справедливо указывали А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский. Согласно их пониманию, на уровне духовности человек перестает быть изолированным индивидом, решающим эгоцентрические задачи эффективной адаптации к среде, и подключается к созидающей энергии надиндивидуальных общностей или высших сил, выходя за свои собственные пределы и открываясь взаимодействию с миром на новом уровне [17, с. 103].

Высокий вклад малой группы в решение проблемы консолидации и синергетики совместной активности, что реализуется через приобретение группой статуса *коллективного субъекта* и достижение высокого уровня организованности. При этом устанавливается оптимальное сочетание индивидуального и группового сознания (консолидация) и единство совместных действий при сохранении разнообразных мнений и форм инициативного поведения. Кроме того, высокая организованность малой группы понижает ее зависимость от окружающей среды, повышая зависимость последней от группы [38].

Надо заметить также, что поведение психосоциального человека в больших социальных группах не является участием одиночки, а опосредуется

малой группой членства, ее позицией по отношению к большой организации. Здесь важную роль играет форма мотивационно-ценностной включенности малых групп в большие организации (школа, факультет, вуз и т.д.). При положительной мотивационно-ценностной включенности малых групп в совместную активность социальных организаций разного уровня (однорядковые группы, основная организация и т.д.) повышается позитивный характер социально-психологического состояния всей системы: она приобретает характеристики "социального оазиса", при этом и качественно улучшается социальное самочувствие личности [9].

С учетом вышесказанного, актуальным является вопрос о разработке более простой, рабочей модели малой группы для ее использования в других социогуманитарных науках (аналогично рабочей модели психосоциального человека). Основанием для решения данного вопроса могут стать стратометрическая концепция А.В. Петровского [26], параметрическая концепция Л.И. Уманского [35, 36], теоретические представления о коллективном субъекте А.Л. Журавлева [11, 13].

Направленность психологии как стратегической науки на решение масштабных и конкретных задач современного российского общества сопряжена с проблемой методологических принципов получения и практического применения психологического знания. Классики отечественной психологии разрабатывали и применяли принцип единства теории, эксперимента и практики, который сыграл огромную роль в развитии отечественной психологии [20 и др.].

Однако в последнее время наблюдаются признаки субъективизма в психологии, который, по мнению А.Я. Анцупова, С.Л. Кандыбовича, В.М. Крука, Г.Н. Тимченко и А.Н. Харитонова, может привести к кризису психологической науки [1]. Авторы отмечают, что субъективизм отечественной психологии состоит в явно завышенной оценке значимости для науки умозрительных знаний и проявляется трояко. Первая и основная его форма заключается в широком, практически часто неосознанном использовании психологами интроспекции в изучении психических явлений. Второй источник субъективизма состоит в естественном и существенном влиянии уникальных индивидуальных особенностей конкретного психолога (образование, жизненный опыт, актуальное психическое состояние и т.д.) на процесс и результаты исследования им психики. Третья причина субъективизма связана с подменой изучения у людей реальных психических явлений иссле-

дованием мнений, самооценок и оценок данных явлений самими испытуемыми, а также анализом текстов, написанных другими авторами. Выделяются причины поразительной живучести субъективизма в отечественной психологии: работать с понятиями, рассуждать и анализировать значительно легче, чем системно исследовать реальную деятельность и поведение человека. Оценить качество проработки понятийно-категориального аппарата диссертации, качество текста гораздо легче, чем понять и оценить добротность эмпирического исследования [1, с. 54–55].

Следовательно, пришло время активного возрождения экспериментального метода как ведущего метода психологического исследования [2, 8, 33]. Назрела необходимость применения таких действенных подходов, как метод проектирования психологического воздействия на детей и население в целом, который был успешно использован в рамках программы "Помощь" в регионах Чернобыльского следа [18]. К их числу относятся такие, как создание развивающих социальных сред (в частности, в образовании), которые отличаются от обычной среды более высокими по содержанию и интенсивности характеристиками совместной деятельности и общения, эмоционально и интеллектуально насыщенной атмосферой сотрудничества и созидания. В такой среде наиболее полно актуализируются и межличностные, и межгрупповые механизмы успешного саморазвития личности и группы [31, 32, 39].

Участие отечественных психологов в оценке последствий и разработке защитных мер для детей и населения после Чернобыльской катастрофы в 15 регионах России по масштабу сравнимо с задачами оптимизации психологического состояния российского общества в настоящее время, так как последствия Чернобыля во второй половине 1980-х годов волновали все население большой страны. Сейчас можно сравнить результаты той работы с некоторыми теоретическими положениями, содержащимися во всех частях анализируемой статьи. Разными исследователями тогда была установлена многоуровневая, системная связь между угрозой радиации и психологическим состоянием населения [6, 18], т.е. фактически на все сферы жизнедеятельности людей влияли два Чернобыля – радиационный и психологический. В итоге в разработке защитных мер учитывались, наряду с психологическими, медицинские, социальные, педагогические, экономические, юридические и другие факторы.

Таким образом, можно отметить теоретическую состоятельность положений А.Л. Журавлева

лева, Д.В. Ушакова и А.В. Юревича об ограниченности линейных моделей и необходимости интеграции социогуманитарных наук в решении глобальных общественных задач.

Среди основных положений психолого-педагогической концепции помощи детям, разработанной В.А. Иванниковым, А.А. Тюковым, И.В. Дубровиной, А.С. Чернышевым, Е.И. Исаевым, Г.В. Семья и др., наиболее продуктивными оказались следующие позиции: а) *субъектность ребенка* (вместо ориентации на щадящий режим – установки на повышение активности в учебной, трудовой, игровой, общественно-политической и других сферах); б) учет нежелательных личностных образований (типа “эффекта жертвы”), вызванных стрессогенными условиями радиационного загрязнения [18]. И в этом случае намечаются тесные связи с отдельными качествами психосоциального человека, выделенными авторами обсуждаемой статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Решение стратегических задач современного российского общества, направленных на оптимальное использование человеческого потенциала страны, во многом зависит от вклада социогуманитарных наук, в том числе и психологии. Для превращения психологии в стратегическую науку нужна адекватная профессиональная рефлексия имеющихся научных накоплений и потенциальных возможностей и самое главное – существенное развитие концептуальных основ для нового статуса психологической науки.

На наш взгляд, авторы обсуждаемых частей статьи А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков и А.В. Юревич предложили продуктивную теоретико-методологическую базу для реализации существующего потенциала психологии в решении актуальных задач современного российского общества.

Дальнейшее развитие указанного направления в отечественной психологии предполагает как новые организационные подходы (совместные программы, проекты, формы взаимодействия с властными структурами и т.д.), так и содержательное наполнение выделенных феноменов (психосоциальный человек, психологическое состояние общества, менталитет и др.) конкретными психологическими качествами, отражающими специфику российского общества. При этом важно гармонично сочетать общечеловеческие и национальные особенности населения России.

Естественно, возникает вопрос о *реалистичности* самого замысла, состоящего в том, чтобы психология стала стратегической наукой, т.к. между высокой теорией и ее успешным практическим применением всегда возникали трудности. В настоящее время есть обнадеживающие основания в связи с еще одним важным событием в отечественной психологии – подготовкой Федерацией психологов образования России материалов к проекту Закона РФ “О психологической помощи населению в Российской Федерации” (июль 2014 г.). Сам факт *профессиональной готовности* отечественной психологии на теоретическом и практическом уровнях выходить на решение стратегических задач развития современного российского общества можно расценивать как ее реалистичные перспективы в приобретении статуса стратегической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л., Крук В.М., Тимченко Г.Н., Харитонов А.Н. Проблемы психологического исследования: Указатель 1050 докторских диссертаций. 1935–2007 гг. / Под ред. А.Я. Анцупова. М.: Студия “Этника”, 2007.
2. Барабанчиков В.А., Демидов А.А. Экспериментальная психология в России: современное состояние и перспективы развития // Экспериментальная психология. 2011. № 1. С. 134–140.
3. Барабанчиков В.А., Журавлев А.Л., Кольцова В.А. Системное исследование психического в работах Б.Ф. Ломова // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 3. С. 5–13.
4. Башилов Б. История русского масонства: в 18 выпусках. М.: МПКП “Русло”, 1992–1995.
5. Беспалов Д.В., Чернышев А.С., Аль-Гафри С. Роль лидерства в функционировании группы как субъекта совместной деятельности / Под общ. ред. А.С. Чернышева. Курск: Курск. гос. ун-т, 2013.
6. Воловикова М.И., Журавлев А.Л., Сумарокова В.А. Испытание страхом (Чернобыль в судьбе человека) // Сознание личности в кризисном обществе / Под ред. К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1995. С. 95–108.
7. Гайдар К.М. Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013.
8. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Естественный формирующий эксперимент в социальной психологии: специфика, достоинства и ограничения // Современная экспериментальная психология /Под ред. В.А. Барабанчикова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011. С. 45–59.

9. Елизаров С.Г. Влияние мотивационно-ценностной включенности на формирование субъектности малой учебной группы // Человек, субъект, личность в современной психологии (к 80-летию А.В. Брушлинского). Материалы Международной конференции. Том 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013. С. 247–250.
10. Журавлев А.Л. Роль системного подхода в исследовании психологии трудового коллектива // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 6. С. 53–64.
11. Журавлев А.Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 133–151.
12. Журавлев А.Л. Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
13. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С.72–80.
14. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть 1. Постановка проблемы и теоретико-методологические задачи // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 3–14.
15. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть 2. Концептуальные основания // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С.70–86.
16. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть 3. На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 5–25.
17. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990.
18. Комплексная программа Минобразования России “Помощь” / Под ред. А.А. Тюкова. М.: Редакционно-издательский центр “Помощь”, 1994.
19. Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского, 15–16 октября 2008 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.В. Знаков, З.И. Рябикова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008.
20. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
21. Ломов Б.Ф. Системность в психологии: Избранные психологические труды. М. – Воронеж, 1996.
22. Ломов Б.Ф., Журавлев А.Л. Психология и управление. М.: Знание, 1978.
23. Макаренко А.С. Опыт методики работы детской трудовой колонии (материалы книги) // Педагогические сочинения: в 8-ми тт. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. С. 166–190.
24. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000.
25. Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А. В. Юрьевич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
26. Петровский А.В. Психология в России. ХХ век. М.: УРАО, 2000.
27. Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юрьевич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011.
28. Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юрьевич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013.
29. Психология нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юрьевич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010.
30. Психология человека в современном мире. Том 4. Субъектный подход в психологии: история и современное состояние. Личность профессионала в обществе современных технологий. Нейрофизиологические основы психики: Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Л.Г. Дикая, Ю.И. Александров. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
31. Рубцов В.В. Основы социально-генетической психологии. М.-Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1996.
32. Рубцов В.В., Журавлев А.Л., Марголис А.А., Ушаков Д.В. Образование одаренных – государственная проблема // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.
33. Сарычев С.В., Чернышев А.С. Методологические проблемы использования эксперимента в социально-психологическом исследовании совместной деятельности и группового поведения // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / Под. ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010. С. 65–70.
34. Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
35. Уманский Л.И. Личность. Организаторская деятельность. Коллектив: Избранные труды. Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та, 2001.
36. Уманский Л.И. Психология организаторской деятельности школьников. М.: Просвещение, 1980.

37. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии. М.: Гранд: Файл пресс, 2004.
38. Чернышев А.С. Социально-психологические условия становления субъектности малых групп: теоретико-экспериментальный подход к исследованию // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 35–44.
39. Чернышев А.С., Сарычев С.В., Елизаров С.Г., Беспалов Д.В. и др. Динамика мироощущения подростков и юношей в изменяющейся России (на рубеже ХХ–XXI вв.). Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2010.

ON THE PROSPECTS OF RUSSIAN PSYCHOLOGY FOR RUSSIAN SOCIETY TASKS' SOLVING

A. S. Chernyshev*, S. V. Sarychev, S. G. Elizarov*****

**Sc.D. (psychology), professor; head of Psychology chair, Kursk State University, Kursk;*

***Sc.D. (psychology), professor of Psychology chair, Kursk State University, Kursk;*

****Sc.D. (psychology), professor of Psychology chair, Kursk State University, Kursk*

The paper deals with the discussion on series of articles by A. Zhuravlev, D. Ushakov, A. Jurevich “Perspectives of psychology in solving the problems of Russian society”. The social relevance, perspectives, the level of methodological, theoretical and technological justification and optimization of the psychological conditions of development of Russian society is assessed. The heuristic theoretical constructs of the mentioned series of articles and its implementation in domestic psychological theories in new conditions is overviewed.

Key words: psychology, psychosocial human, individual and collective subject, management, organization, psychological support planning.